

И. А. Вещикова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
irinavmg@gmail.com*

О ВОЗРАСТЕ, ТИПАХ И ПРИНЦИПАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ КОМПРЕССИЙ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МАССМЕДИА

Статья посвящена рассмотрению ортологической интерпретации разговорных произносительных вариантов в условиях телевизионных массмедиа. Внимание теоретической, описательной и прикладной лингвистики к данной проблематике объясняется нерешенностью вопроса, касающегося нормативного статуса «объективно встречающихся в разных условиях форм: gʌvʌrít, gəvʌrít, gəʌrít, gərít, grít и т. д.»; конфликтом между действующей кодификацией и медийной практикой; нормотворческой значимостью СМИ и медиатизацией орфоэпического знания. Для освещения поставленной темы мы полагали необходимым затронуть три вопроса: логику изучения вариантов, зависящих от ситуации речевого общения (vs социальных характеристик носителей языка); результаты обследования телевизионной речи советского периода; принципы функционирования обсуждаемых форм в условиях социально значимой коммуникации. Анализ научной литературы и эмпирического материала позволил сделать следующие выводы: 1. Включение в ТВР фонетических компрессий нельзя считать новшеством. Она стала проницаема для такого рода элементов еще в советское время. 2. ТВР в указанном плане крайне неоднородна. Здесь с самого начала стало складываться противопоставление дикторских текстов и «всех прочих», различия между которыми затрагивают и тип разговорных вариантов, и их количество. 3. Выбор фонетических компрессий зависит прежде всего от значения ситуативных переменных — амплуа работающего в эфире; типа программы, жанра и формата.

Ключевые слова: орфоэпия, разговорный произносительный вариант, фонетические компрессии, кодифицированные нормы, телевизионная речь, советская эпоха, ситуативная переменная

Создать систему «правильности» для звучащей речи, то есть кодифицировать ее, можно, только досконально ее изучив [Лаптева 2000: 7].

Нормативность явления может быть определена лишь в контексте, а не в условиях изоляции [Костомаров, Леонтьев 1966: 10].

Фонетика разговорной речи в телевизионных массмедиа — очень популярная тема последних лет, устойчивый интерес к которой теоретической, описательной и прикладной лингвистики объясняется неурегулированностью вопроса, касающегося нормативного статуса «объективно встречающихся в разных условиях форм: gʌvʌrít, gəvʌrít, gəlʌrít, gərít, grít и т. д.» [Щерба 1957а: 21]; рассогласованностью между действующей кодификацией и медийной практикой; нормотворческой значимостью СМИ и медиатизацией орфоэпического знания. В этом контексте уместно напомнить, что при рассмотрении телевизионной речи (далее — ТВР) как специфической культурной практики господствует представление о том, что выход за пределы кодифицированной фонетики и обращение к разговорным произнесениям считаются приметой новейшего времени и связываются с изменением «важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации» и размыванием «резкой границы, которая проходила между неофициальным личным общением и общением официальным публичным» [Земская 2000: 13]. Соглашаясь с тем, что «ТВР испытывает огромное по силе воздействие устно-речевой стихии», иногда дополнительно отмечают, что «четкой отчетливой фонетикой среднего темпа с паузальным членением, совпадающим с синтагматическим, обладают лишь дикторы и актеры. Все остальные говорящие по ТВ, и в их числе корреспонденты, репортеры, комментаторы, в своей фонетике ближе к разговорной речи» [Лаптева 2000: 345]. Думается, что это не совсем так, причем то, что названо новым, представляет собой сложившиеся (хотя и не кодифицированные) в устных СМИ нормы. Чтобы аргументировать тезис, согласно которому элементы разговорной фонетики есть не что иное, как уже давно узуально закрепленное употребление вариантов произношения в ТВР как сфере бытования литературного языка, целесообразно затронуть три вопроса: логику изучения форм, зависящих от ситуации речевого общения; результаты обследования ТВР применительно к советскому периоду; принципы использования обсуждаемых вариантов в условиях СМИ.

Краткая историческая справка

Общеизвестно, что анализ и осмысление стилистического измерения в фонетике берет начало с известных статей Л. В. Щербы — «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» (1915) и «К вопросу о русской орфоэпии» (не датирована), в которых были очерчены контуры и задан вектор изучения темы «фонетика и стилистика». В этих статьях ученый 1) указал «на одно упускаемое при всех орфоэпических рассуждениях обстоятельство», касающееся того, что «отнодью нельзя себе представить, что существует какой-то единый

стиль нормального произношения, хотя бы для каждого языка; возможна целая шкала разных произношений»; 2) раскрыл фонетическое содержание вариантов, связанных с использованием языка в разных условиях общения; 3) акцентировал внимание на том, что *здравствуйте* и *зрасте, человек* и *чек, говорит* и *грит* — «это лишь крайние случаи» [Щерба 1957б: 141], между которыми могут быть промежуточные ступени, несводимые к полному и разговорному стилям; 4) подвел к пониманию того, что их функционирование определяется комплексом факторов: стилем речи, степенью ее отчетливости, темпом. Несмотря на то что отношение к идеям Щербы довольно рано оказалось не лишенным противоречий, об их перспективности и важности свидетельствует тот факт, что всякий раз, когда приходится говорить о стилистических градациях на уровне произношения, выбор падает на изучение вариантов, открытых Щербой.

Следующим заметным шагом в изучении обсуждаемой темы стали работы М. В. Панова, посвященные рассмотрению стилистической шкалы «высокий — нейтральный — разговорный» и особенностей употребления маркированных единиц вообще и разговорных в частности: 1) высокий стиль востребован *там* и *тогда, где* и *когда* речь квалифицируется как «имеющая большое, даже всеобщее значение» [Панов 1981: 15], разговорный «уместен только в некоторых условиях общения; если он используется в официальной обстановке, в торжественных выступлениях... он режет ухо. Именно этим вызваны многочисленные нападки на произносительные особенности разговорного стиля; объективно их неприятие обозначает лишь стремление не допустить господства этого стиля там, где должны использоваться неразговорные стили произношения» [Панов 1967: 276]; 2) «как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей», причем «наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их обычно большинство) со словами одного из окрашенных стилей» [Панов 1963: 11]; 3) «связь между темпом и описанными признаками произношения вовсе не столь обязательна» [Там же: 23].

В 60-е гг. XX в. развитие фоностилистики пошло по иному пути: изучение объема и состава литературной нормы теперь строится с опорой на реальную языковую практику. Такой подход обещал решение многих проблем, хотя в полной мере этого не произошло, так как, сфокусировав внимание на речи литературно говорящего социума в условиях неофициального непринужденного персонально адресованного общения, узус той же группы лиц в общественно значимых сферах ученые оставили «в стороне». Ясно, что разное отношение к слагаемым устной коммуникации не могло не отразиться на интерпретации языковых фактов. Ее суть и содержание заключались в том, что в рамках литературного языка наряду с кодифицированной существует «особая коммуникативная подсистема: разговорный язык», который «имеет свою особую фонетическую подсистему, законы которой не совпадают с законами КЛЯ» [Панов 1990: 19, 20], используемую в сфере неофициального, неподготовленного, личного общения. Такое понимание не утратило своего влияния и сегодня, несмотря на постоянно возникающие вопросы: как квалифицировать тексты, в которых ведущими являются кодифицированные варианты, а разговорные — вкраплениями? какое место в новой системе координат занимают тексты,

на предшествующем этапе относимые к высокому стилю? можно ли считать доказанным, что особенности, именуемые разговорными, есть примета лишь неофициальной коммуникации? правомерно ли говорить о них как о едином множестве с точки зрения нормы?

И только на рубеже 1970–1980-х гг. ученые подошли к исследованию речевых сфер, обладающих культурной и общественно-коммуникативной значимостью. Их описание с позиций реальной модальности выявило, что «все типы “организованной” (по Д. Н. Шмелеву) речи... испытывают на себе влияние стихии РЯ», а «наиболее устойчивыми к проникновению фонетических черт РР... оказываются художественная и информационно-публицистическая речь» [Кузьмина 1996: 22–23]. Тогда же прозвучала мысль об актуальности «выработки понятия правильности, ошибки для художественной и специальной речи и установление качественного и количественного предела насыщенности публичной речи чертами разговорной фонетики» [Кузьмина 1996: 23]. С тех пор минуло 20 лет, но поставленная задача не решена. Причин две: публичная речь (в отличие от непубличной) так и осталась «объектом критики», а не источником выявления литературной нормы; разговорные варианты, или, лучше сказать, фонетические компрессии (далее — ФК) рассматриваются без учета давно обнаруженной их нормативно-стилистической гетерогенности [Вещикова 2007].

О возрасте и особенностях функционирования фонетических компрессий

В монографии 1990 г. Панов привлек внимание к ранее не обсуждаемой теме: «В лекции (Д. Н. Ушакова. — *И. В.*) особенно поразительно большое количество разговорных фактов, явлений некодифицированной фонетики... Ведь читалась лекция (чопорный жанр), читалась в студии, при отсутствии слушателей, то есть в очень искусственных условиях, как будто исключающих всякую разговорность (для нее нужны, наоборот, предельно естественные условия общения). Может быть, мы все-таки заблуждаемся, приписывая успехи разговорной фонетики последним десятилетиям? Не будь она обычной в желтой системе, не оказалась бы она такой частой гостьей в лекции Д. Н. Ушакова» [Панов 1990: 176]. Обследование другого корпуса текстов — выступлений (общественно значимых) профессионалов слова в 30-е — 70-е гг. XX в. [Вещикова 2007: 147–179] и записей ТВР доперестроечного периода [Вещикова 2014] — подтвердили суждение ученого о возрасте ФК и времени их проникновения в публичное пространство, тем самым опровергнув представление, согласно которому «вторжение» элементов разговорной фонетики в ТВР последних десятилетий является инновацией. Новшество видится в экспансии жанров и форматов, сделавших зримым использование ФК в СМИ, и их активность. Языковые факты, почерпнутые из текстов двух произносительных эпох, побуждают признать, что определенного типа некодифицированные произносительные средства есть неотъемлемая часть ряда сегментов ТВ СМИ. Отрицание этого обстоятельства лишь «тормозит» решение теоретических и прикладных вопросов в области фоностилистики.

Особенности орфоэпии ТВР советской эпохи

Мониторинг ««экранной жизни» слова» (выражение С. В. Светаны-Толстой) свидетельствует о том, что ФК «вполне литературны» при соблюдении некоторых условий. «В противном случае пришлось бы (как это подчас и делается!) признать не нормативным и лежащим вне литературного языка громадное количество фактов, вполне естественных в речи его носителей. Более того, надо было бы отнять титул носителя литературного языка у доброй половины образованных русских людей или прийти к парадоксальному выводу о том, что норма — абстрактный идеал, в жизни никогда не достигаемый и существующий как некий эталон для примеривания своей речи» [Костомаров, Леонтьев 1966: 5]. Как показывают записи речи Ю. Левитана, В. Балашова, А. Шатиловой, И. Кириллова и других дикторов, а также А. Бовина, А. Овсянникова, В. Овчинникова, В. Зорина, Г. Боровика и других журналистов-международников, в социально ответственных ситуациях действует ряд строгих ограничений. Большую роль играют *качественные* характеристики ФК. Каталогизация зафиксированных в эфире компрессий удивительным образом напоминает орфоэпический ландшафт публичной не собственно ТВР: если слово имеет более одной компрессии, то выбор, как правило, делается в пользу варианта, наименее отличного от кодифицированного; если для узнавания варианта требуется дополнительный контекст или знание ситуации речи, дикторы и журналисты стремятся его миновать; чем больше какая-либо компрессированная форма удалена от кодифицированной и чем больше с ней контрастирует, тем она менее приемлема в условиях СМИ. Многие из них вне направленного аудирования остаются незамеченными. При этом аудитория довольно точно улавливает, насколько работники ТВ СМИ владеют навыками их использования. Хорошо известные ремарки типа «разговорно, невнятно, скороговорка, плохая дикция» являются знаком отрицательной оценки выбора типа некодифицированных орфоэпических вариантов. Ограничения касаются и *степени представленности* некодифицированных форм в тексте. В этом плане ТВР крайне многолика: в дикторской речи при торжественно-патетической тональности («Минута молчания») они табуированы, что является одним из способов создания соответствующего эффекта; в дикторской речи при сугубо официальной тональности («Парад на Красной площади») они присутствуют как единичные вкрапления; при нейтральной тональности («Новости дня») вполне органичны и уместны те из них, которые согласованы с установкой: «...подчеркнуто-полное удовлетворение интересов слушателя — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» [Панов 1968: 14]; в произношении корреспондентов, ведущих информационно-аналитические программы («Международная панорама»), познавательные и иные авторские проекты («Слово Андроникова») их объем (реже палитра) может расширяться. Иными словами, очевидность того, что в основе официального публичного общения лежит регулируемое речевое поведение, никак не отрицает другого свойства — «даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым» [Винокур 1997: 107].

О нормативном статусе фонетических компрессий

Представляется, что в истории нормализации ФК просматриваются три этапа. Впервые вопрос о степени их литературности возник в связи с описанием коммуникативной подсистемы, используемой носителями языка в сфере частного бытового обиходного общения. Однако признание их частью литературной нормы произошло не сразу: «Первые систематические записи его (РЯ. — И. В.) произвели смятение, многим показалось, что это записи “некультурных” людей... Понемногу филологи стали привыкать к мысли, что такая система (одна из форм литературного языка) действительно существует» [Панов 1990: 20]. Вторым этапом следует считать их недавно состоявшуюся кодификацию. Речь идет о «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук и др. 2012], авторы которого предложили их лексикографическое описание с помощью помет *в беглой речи возможно* абстрак[а]низм; *в беглой речи обычно* ты[ш'ш']а; *допуст.* обяза[т']ный. Основываясь на словарных предписаниях, вероятно, можно сказать, что обращение языкового социума к вариантам *тыща*, *государс(твен)ный*, *зрит(ель)ный* и т. п. не нарушает культуру текста. Однако данная констатация нуждается в детализации. Собранный к настоящему времени языковой материал позволяет сделать следующий шаг, наметив ориентиры, подсказывающие работающему в эфире, как не перейти порога, за которым наступает коммуникативный дискомфорт для слушающего. Чтобы держать разговорные варианты под контролем, не стоит игнорировать отмеченные выше традиции их использования в ТВР и, кроме того, имеет смысл присмотреться к их своеобразию: 1. Необычность компрессий заключается в том, что один и тот же вариант (*тыща*, *следс(твен)ный*, *обязат(ель)но*, *двадц(ать) пять*, *необыкно(в)енный*) или разные произнесения одного слова (*де(й)с(тв)ит(ель)но* и *действит(ель)но*, *ко(г)да* и *ко(гд)а*, *универс(и)тет*, *уни(ве)рс(и)тет*, *ко(г)да* и *к(огд)а* и т. п.) могут восприниматься и оцениваться по-разному в зависимости от статусно-ролевой характеристики представителя студии, типа программы, ТВ-формата (жанра телепередач), коммуникативного задания и т. п. В зону нежелательных и неуместных обычно попадают варианты, идентификация которых вне контекста затруднена и которые неспособны к самостоятельному употреблению (*ч(елов)ек*, *бу(дет)*, *(з)десь*, *к(огд)а*, *[шъ]=что*, *п(ять)де(сят)*). 2. По той же причине (компрессия компрессии рознь) они не могут быть подведены под единую ортологическую рекомендацию. По отношению к ФК востребованы гибкие установки, поскольку они относятся к типу норм, выбор которых носит не императивный, но скорее предпочтительный характер. 3. Если бы работники ТВ СМИ не пользовались возможностями, предоставляемыми произносительной системой языка, телевизионная реальность на уровне орфоэпии стала бы искусственным образованием. Поэтому наличие в некоторых сегментах ТРВ отдельных типов ФК вполне закономерно и законно.

Литература

Вецикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М.: Флинта; Наука, 2007. 321 с.

Вецикова И. А. Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе // Медиалингвистика. 2014. №2 (5). С. 29–39.

Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 186 с.

Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 9–31.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс, 2012. 1024 с.

Костомаров В. Г., Леонтьев А. А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания. 1966. №5. С. 3–15.

Кузьмина С. М. Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 5–23.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000. 351 с.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М.: Наука, 1963. С. 5–38.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.

Панов М. В. Глава первая // Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Кн. 4: Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. С. 9–21.

Панов М. В. Стили литературного языка // Современный русский язык: Учебник / В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов; под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. С. 14–20.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.

Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957а. С. 21–25.

Щерба Л. В. К вопросу о русской орфоэпии // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагог. изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957б. С. 141–143.

Irina A. Veshchikova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
irinavmgu@gmail.com

ON THE AGE, TYPES AND PRINCIPLES OF USE OF PHONETIC COMPRESSIONS IN THE TELEVISION MEDIA

The article is devoted to normative interpretation of the spoken pronunciation variants in conditions of television media. Attention of the theoretical, descriptive and applied linguistics to this problem is due to the unresolved question concerning the normative status of “objectively found in different environments forms: *gAVARít, gəVAVRít, gəARít, gəRít, grít, etc.*”; to the conflict between the current codification and media practice; the normative significance of the mass media and the mediatization of orthoepic knowledge. For lighting the set theme, we thought it necessary to address three issues: the logic of exploring options, depending on situation speech communication (vs. social characteristics of speakers); the results of examination of the televised speech of the Soviet period; the principles of functioning of discussed forms in circumstances of socially meaningful communication. Analysis of scientific literature and empirical material allowed us to draw the following conclusions: 1. The inclusion in a television speech of phonetic compression cannot be considered as novelty. It has become permeable to elements of spoken phonetics in the Soviet era. 2. Television speech in this regard is not uniform. Contrasted here are the announcer's texts and “all other” texts. The difference between them affects the type of conversational variants and their quantity. 3. The choice of conversational options depends on the value of situational variables — role of person working in the broadcast; the type of programme type, genre and format.

Key words: orthoepy, spoken pronunciation variant, phonetic compression, codified norms televised speech, Soviet era, a situational variable

References

Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka* [A comprehensive pronouncing dictionary of Russian]. Moscow, AST-Press Publ., 2012. 1024 p.

Kostomarov V.G., Leont'ev A.A. [Some of the theoretical issues of speech culture]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1966. No. 5. Pp. 3–15. (In Russ.)

Kuz'mina S.M. [The status and tasks of the study of Russian phonetics in a functional-stylistic aspect]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Urovni yazyka*. Moscow, Nauka Publ., 1996. P. 5–23. (In Russ.)

Lapteva O.A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyi plast televizionnoi rechi v normativnom aspekte*. [Living Russian language on television. Spoken Plast televised speech in the normative]. Moscow, URSS Publ., 2000. 351 p.

Panov M. V. [Styles of pronunciation (in connection with General problems of stylistics)]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Eds. S. I. Ozhegov, M. V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1963. P. 5–38. (In Russ.)

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.

Panov M. V. [The first Chapter]. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo (sotsiologolingvisticheskoe issledovanie). Part 4. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie*. Ed. M. V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1968. P. 9–21. (In Russ.)

Panov M. V. [Styles of the literary language]. *Sovremennyi russkii yazyk: Uchebnik* / V. A. Beloshapkova, E. A. Zemskaja, I. G. Miloslavskij, M. V. Panov; ed. V. A. Beloshapkova. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1981. P. 14–20. (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of the Russian literary language of 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Shherba L. V. [About the different styles of the perfect pronunciation and phonetic structure of words]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, Gos. uchebno-pedagog. izd-vo ministerstva prosveshhenija RSFSR Publ., 1957. P. 21–25. (In Russ.)

Shherba L. V. [The question of Russian orthoepy]. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, Gos. uchebno-pedagog. izd-vo ministerstva prosveshhenija RSFSR Publ., 1957. P. 141–143. (In Russ.)

Veshhikova I. A. *Orfojepija: osnovy teorii i prikladnye aspekty* [Orthoepy: the basics of theory and applied aspects]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2007. 321 p.

Veshhikova I. A. [Televised speech in the aspect of phonostylistic]. *Medialingvistika*. 2014. No. (5). P. 29–39. (In Russ.)

Vinokur G. O. *Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 186 p.

Zemskaja E. A. [Introduction]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. 2nd ed. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. P. 9–31. (In Russ.)